

Г. В. Цулая

ОБЕЗЫ ПО РУССКИМ ИСТОЧНИКАМ¹

Первые сведения

Обезы — один из кавказских народов, нередко упоминаемых в памятниках древнерусской письменности. Несмотря на это им посвящена только одна статья Л. И. Лаврова². Но в этой работе центральное место заняла демографическая сторона истории абазин³ и именно в этой части она представляет преимущественный интерес. Автор совершенно справедливо отверг существовавшую ранее точку зрения о миграции собственно абхазов на Северный Кавказ как об основном факторе образования абазинского народа. Вопреки установившейся традиции, которая под обезами подразумевает средневековых абхазов, автор доказывал, «что под обезами русские летописи (автор ограничивается летописями XII—XIV вв.— Г. Ц.) имели в виду не абхазов, а абазин»⁴. Однако эту точку зрения Л. И. Лаврова следует существенно дополнить и уточнить.

Первое упоминание об обезах в русских источниках сохранилось в ранних частях «Киево-Печерского патерика», относящихся к 70—80 гг. XI в. Как известно, начало составления этого свода памятников древнерусской литературы относится к XIII в., но в него вошли произведения более раннего периода, такие, например, как сказание «О первых черноризцах печерских», составленное в 1074 г.; «Житие Феодосия Печерского», написанное в 80-х годах XI в., и др. В данном случае сведения об обезах автор, очевидно, почерпнул из каких-то не дошедших до нас источников.

Эти сообщения знаменательны тем, что они дают нам представление о культурном сотрудничестве русских и обезов на заре их политических взаимоотношений. В первом из названных сочинений, составленном в 70-х годах XI в., приводятся весьма интересные сведения, характеризующие такого рода сотрудничество. Приводим этот отрывок: «И се дивно чудо, еже скажаю вам. Приидоша от того же богохранимого Константина града к игумену Никону писци иконнии, глаголюще сице: „Постави рядца наша, хоцеве ся истязати: нам показаща церковь малу,

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором статьи 3 апреля 1974 г. в Институте этнографии АН СССР на сессии, посвященной итогам полевых этнографических исследований.

² Л. И. Лавров, «Обезы» русских летописей, «Сов. этнография», 1946, № 4.

³ Предки современных абазин — джики и абаза — известны по ранним грузинским летописям и другим документам. Абазины играли активную роль в исторических событиях, происходивших в Грузии на протяжении всего средневековья. Картлийские правители часто поселяли в разоренных войнами и междоусобицей феодальных поместьях представителей новых, часто негрузинских племен. Среди них нередко бывали выходцы с Северного Кавказа, в том числе абазины (абаза) и джики. См. об этом: И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. II, Тбилиси, 1965, стр. 36, 167 (на груз. яз.); С. Н. Джанашиа, Труды, т. II, Тбилиси, 1952, стр. 466 и др. (на груз. яз.).

⁴ Лавров, Указ. раб., стр. 161.

и тако урядохом ся предо многими сведетели, сия же церковь велика велми; и се ваше злато възмете, а мы идем к Цариграду⁵. И отвеща игумен: „каковы бяше ряд деяше с вами? Писци реша подобие и образ, имена Антония и Феодосиа“. И рече им игумен: „о чада, нам не мощно вам явити тех, прежде бо 10 лет отъидоша света сего, и суть непрестанно молящесе за ны, и неотступно хранять сию церковь, и соблюдаютъ свой монастырь, и промышляют о живущих в нем. И сие слышавше Греци и ужасни быша о ответе, приведоша же и иных купец много, иже беша отгуду путешествовавши с теми Греци и Обези⁶. И глаголааху: „пред сими ряд сътворихом, злато възхом от руку ею, и ты не хочещи нам явити ею. Аще ли приставилася есть, яви нам образ ею, да и сии видять, аще тая еста“. Тогда игумен изнесе пред всеми иконе ею. Видевши Греци и Обези образа ею, и поклонишася, глаголюще, яко сии еста воистину, и веруем, яко жива еста и по смерти, и можета помогати и спасати и заступати прибегающих к нима. Въдавше же и мусию, иже беша принесли на продание, ею же святой олтарь устроиша. Писци же начаша каатиися своего согрешения⁵».

Таковы первые сведения письменных источников об обезах.

«Авер иже суть обезы»

На вопрос о том, кого в Древней Руси подразумевали под обезами, дает ответ краткая, но выразительная формулировка: «авер иже суть обезы». Впервые она встречается в «Повести временных лет» и географическом компедиуме «Толковая Палая», в котором собраны известные анонимному компилятору названия 72 народов. А. А. Шахматов в свое время проанализировал свидетельство «авер иже суть обезы» «Толковой Палеи» и пришел к выводу, что данное отождествление, встречающееся в «Повести временных лет» и «Толковой палее», было заимствовано из византийских источников⁶. По поводу этой гипотезы мы хотим сказать следующее: византийские источники не знают этнонима «обезы». Для выражения того смысла, который русские вкладывали в этот термин, византийцы пользовались названием «абазги» (авазги). Древнерусские переводчики с греческого сохранили эту деталь. Так, например, в «Житии святого Кирилла» (IX в.) переводчик называет абхазов (подразумеваемая все население Западной Грузии) по-греко-византийски — «авазыги»⁷.

В X—XI вв., как известно, Грузинское государство вступило в тесный политический и культурный контакт с Киевской Русью. Именно в этот период русские летописцы и распространили термин «обезы» не только на родственные абазинам племена — одно из важных звеньев, связывавших Древнюю (Киевскую) Русь с закавказскими государствами, но и на всех грузин. Для древнерусского автора «обезы» — это «аверы», т. е. иверы (закономерность перехода фонемы *a* в *и* можно проследить на примере: Ирина — Арина). Русско-грузинские контакты с Киевской Русью через Западную Грузию (Абхазское царство) сказались и в том, что термин «обезы» в русском языке стал звучать с характерным для древнерусского языка оканьем. Однако русская форма термина «обезы» не имеет непосредственного отношения к этнониму «абхазы» в том смысле, в каком последний употреблялся в Грузии, Армении и Византии. Если иноземные авторы название «абхазы» восприняли непосредственно из грузинских источников (устных или письменных), в которых местные

⁵ Д. Абрамович, Киево-Печерский Патерик, Киев, 1931, стр. 9, 10.

⁶ А. А. Шахматов, «Повесть временных лет» и ее источники, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. IV, М., 1940, стр. 75.

⁷ Ф. Брун, Сборник исследований по исторической географии южной России. т. II, Одесса, 1880, стр. 129.

правители именовались «абхазскими царями», то русский термин «обезы» возник под влиянием названия «абазины».

Таким образом, не вдаваясь в вопрос о том, когда возникла формулировка «авер иже суть обезы», можно сказать, что в ней отразились исторические традиции XI в. С XII в., когда Русь начала устанавливать более тесные связи с Грузинским царством, отождествление обезов с иверами-грузинами стало общепринятым. Так, например, согласно Галицко-Волынской летописи, великий князь Владимир Мономах, разбив половцев в 1118 г., загнал их правителя Отрока «во Обезы за Железные врата». Имя половецкого хана Отрока известно и в грузинских хрониках в форме Атрака Шараганис-дзе (сын половецкого князя Шарукана). С ним был в родстве грузинский царь Давид Строитель (1073—1125), который в русском источнике и выступает в роли «обезского царя». Обращает на себя внимание также упоминание «Железных врат». Трудно, конечно, устоять перед соблазном отождествить их с Дарьяльским проходом, широко известным как в кавказских, так и в иных литературных источниках. В принципе не отрицая такого тождества, мы, однако, не можем не отметить, что в представлении средневековых писателей и путешественников Кавказ вообще был синонимом горных «ворот». Так, Ибн-Хордадбех, арабский автор конца IX в., родом перс, перечислил 13 наиболее «выдающихся ворот» Кабка, т. е. Кавказа. Среди них для нас может представить интерес «Баб-Лазика»⁸, что, безусловно, должно было означать «Лазские (т. е. западногрузинские) ворота», которые мы склонны отождествить с Клухорским перевалом. Не имеется ли в виду в Галицко-Волынской летописи под «Железными вратами» именно этот перевал?⁹

В 1154 г., по сообщению «Повести временных лет», волынский князь Изяслав Мстиславович «повел из Обез жену себе, цареву дочь»¹⁰. Это была сестра грузинского правителя Георгия III—Русудан, тетка известной грузинской царицы Тамары. Она была, очевидно, доставлена «морем, через Олешье» и «с почетным эскортом в составе сына княжеского, воеводы и русской рати встречена в устье Днепра»¹¹.

«Сказание о Вавилоне-граде».

В начале XV в. крепнущее Русское государство постепенно возобновляет связи со своими прежними соседями и союзниками. Среди них Кавказу отводилось особое место. Сведения об обезах в этот период появляются в летописях в связи с войнами Тамерлана. Так, одна из русских летописей под 1403 г. среди завоеванных Тамерланом стран называет: «Тевфизи... Горзустани, Обезы и Гурзы»¹². Совершенно очевидно, что в XIV—XV вв. новые для русских географические названия персидского происхождения «Гурзы», «Горзустани» стали вытеснять исконно русское название «Обезы»¹³, которое отныне в русской литера-

⁸ Н. А. Караулов, Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. 32, Тифлис, 1903, стр. 15.

⁹ Отметим, что еще А. Н. Дьячков-Тарасов усомнился в соответствии названия «Железные врата» Дарьяльскому ущелью, хотя в свою очередь выдвинул сомнительное предположение о тождестве их с «железными воротами» в Гагре (см. А. Н. Дьячков-Тарасов, Гагры и его окрестности, «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества», кн. XXIX, вып. 1, стр. 42, 43; В. И. Стражев, Руинная Абхазия, «Изв. Абхазского научного общества», т. 1, Сухум, 1925, стр. 5 (отдельный оттиск)).

¹⁰ «Повесть временных лет», т. 1, М., 1950, стр. 202.

¹¹ А. П. Новосельцев, Русь и государства Кавказа, в кн.: В. Т. Пашуто, Внешняя политика Древней Руси, М., 1968, стр. 217.

¹² «Полное собрание русских летописей», т. XI—XII (Патриаршая, или Никоновская летопись), М., 1965, стр. 248.

¹³ Ср. Ш. А. Месхиа и Я. З. Цинцадзе, Из истории русско-грузинских взаимоотношений, Тбилиси, 1958, стр. 28.

туре приобретает чисто книжный характер. Именно с этой точки зрения можно рассматривать упоминание обезов в небольшом по объему сочинении безымянного русского автора, очевидно, начала XV в., «Сказание о Вавилоне-граде». Оно интересно прежде всего по своему идейно-политическому замыслу, поэтому не случайно привлекает внимание ученых вот уже второе столетие. Основной идейный смысл данного произведения, как это убедительно доказали видные советские ученые М. О. Скрипиль, Л. В. Черепнин, М. А. Алпатов и др., заключается в том, что Русское государство в начале XV в., оказавшись перед фактом развала Византийской империи, взяло на себя миссию объединения православных народов Востока в борьбе против мусульманских завоевателей. Эта идея приняла особо острый характер со времен опустошительных нашествий Тамерлана. Политика Русского государства того периода во многом обуславливалась его географическим положением и была направлена на культурно-политический союз как с Западом, так и с Востоком. С обострением «восточного вопроса» Русское государство было вынуждено ради сохранения своей безопасности принять активное участие в его решении. Однако политическим мероприятиям должно было предшествовать их идейное обоснование. Именно в такой обстановке и создавалось «Сказание о Вавилоне-граде», автор которого «ставит всемирно-историческое значение Руси в связь с Востоком»¹⁴.

Рассмотрим содержание памятника. Византийский император Лев (в крещении Василий) отправляет трех посланцев в Вавилон для спасения святых христианских реликвий. Однако посланники заявляют ему: «Неподобно нам тамо ити, но пошли из грек гричина, из без обежанина, из роуси роусина». Царь принял эти «рекомендации». Как замечает М. О. Скрипиль, «именно такой состав посольства в самом же начале сказания считается основой успеха всего дела»¹⁵. Во второй части «Сказания» говорится о том, как послы императора, подступив к Вавилону, обнаружили, что вход в город преграждает спящий змей. Далее идет следующий текст: «Бяшетъ тоу лествица от древа коупариса прилождена чрес змея, а написано бо бяше на неи три слова греческы, обезскы, роускы. Первое слово, греческы: „Котораго человека бог принесет к лествице сеи...“ Второе слово, обезскы: „Да идет чрес змея без боязни...“ Третье слово, роускы: „Да идет с лествице чрес полаты, до часовнице“»¹⁶. По словам автора «Сказания», на подступах к «Вавилону-граду» была еще одна такая же «надпись».

Кого же в данном случае следует подразумевать под «обезом» и производным от этого термина «обежанином»? В научной литературе на этот счет существуют противоречивые высказывания. Так, З. В. Анчабадзе пишет: «В так называемом „Сказании о Вавилонском царстве“ (XV в.) в числе главных действующих лиц упоминаются русский, грек и „обежанин“. Здесь „обежанин“ выступает как синоним „грузина“»¹⁷. В книге М. А. Алпатова читаем: «Посланцы византийского царя Василия (Льва)—византиец, русский и обежанин (абхазец)—прибывают в Вавилон»¹⁸. Столь же противоречивы и высказывания М. О. Скрипиля. В ряде мест своего исследования он отождествляет Обезы-Абхазию с Грузией¹⁹. На других же страницах его работы встречаются следующие замечания: «Названием „Обезы“ в древней Руси, как известно [?], обозначались абхазцы (абазги, абхазы) или, вернее, их родина»²⁰. И далее:

¹⁴ М. А. Алпатов, Русская историческая мысль и Западная Европа, М., 1973, стр. 168.

¹⁵ М. О. Скрипиль, Сказание о Вавилоне-граде, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. IX, М., 1953, стр. 130.

¹⁶ Там же, стр. 142.

¹⁷ З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959, стр. 174.

¹⁸ М. А. Алпатов, Указ. раб., стр. 167.

¹⁹ М. О. Скрипиль, Указ. раб., стр. 133, 142 и др.

²⁰ Там же, стр. 135.

«В „Сказании“ речь идет об Обезах, а не о Грузии». Данное замечание автор считает «драгоценнейшей реалией определенного исторического времени. Она помогает правильно подойти к решению трудного вопроса датировки этого произведения»²¹.

Прежде всего следует отметить, что отождествление терминов «обез-обезжанин» и «абхазец» не что иное, как терминологический анахронизм. Этноним «абхазец» впервые появляется в русских канцелярских документах после присоединения Абхазии к России (1810 г.). Сконструирован он был присоединением к этническому названию «абхаз» деминутивного (уменьшительного) суффикса *-ец*, что обычно практиковалось на Кавказе в XIX в. для обозначения представителей малых «народцев» (ср. чеченец, осетинец, мингрелец). Кроме того, терминологически «обез-обезжанин» связан не с «абхазом-абхазцем», а, как правильно отметил Л. И. Лавров, с этнонимом «абазин».

К сожалению, работа М. О. Скрипиля в части, где излагается история Грузии и Абхазии, содержит и более серьезные недостатки. «Конец XIV века,— пишет автор,— это было время в истории Грузии, когда среди всех областей Грузинского царства Абхазия заняла совершенно особое положение. Главные удары Тамерлана во время его шести больших походов в Грузию не достигали ее. Вследствие этого, когда Восточная Грузия и часть Западной Грузии лежали в развалинах, Абхазия избежала прямых последствий нашествий Тамерлана. Сохранилось ее население. Не была разрушена ее экономика. Кроме того, она в это время пользовалась полной церковной независимостью от Грузии. Еще в XIII в. упоминается абхазский католикос, местопребыванием которого был город Пицунда. Теперь его власть простирается на всю Западную Грузию — на Абхазию, Сванетию, Мегрелию, Гурию. Это могло способствовать поднятию авторитета Абхазии как в самой Грузии, так и за ее пределами»²². Далее автор делает еще одно заключение: «Эти страницы истории Абхазии были, очевидно, известны на Руси, где до конца XV в. лучше знали абхазцев, чем грузин других областей (?!). Здесь в первой половине XV века скорее Абхазия, чем Грузия в целом, могла быть сочтена той страной, которой наряду с Византией и Русью было суждено представлять на международной арене христианский православный мир»²³.

В этих двух приведенных цитатах из работы М. О. Скрипиля содержится ряд неточностей. Прежде всего отметим, что окончательный распад Грузии на отдельные княжества произошел не на рубеже XIV—XV вв., а лишь в конце XV в.²⁴ Абхазия в этот период не занимала «особого положения», а наоборот, входила в состав образовавшегося в середине XV в. партикулярного мегрельского княжества Сабедиано²⁵.

Это княжество, хотя и избегло опустошительных набегов монгольских и тамерлановских армий, но подъема общественной, экономической и духовной жизни в нем не наблюдалось. Вот как описывают положение в Сабедиано авторы того времени: «Правитель этой провинции зовется Бендиан. Он владеет двумя крепостями... одна называется Вати, другая Севастополь (Батуми и Сухуми.— Г. Ц.)... Вся страна — каменистая и бесплодная; там нет хлеба иного сорта, кроме проса; соль туда при-

²¹ Там же, стр. 136.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 304.

²⁵ «Абхазская АССР», статья в БСЭ, изд. 2, т. I, М., 1949, стр. 48; см. также: Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Указ. раб., стр. 310.

возят из Каффы. Жители выделывают небольшое количество холста, весьма плохого. Народ там дикий»²⁶. Комментируя эти сведения, а также данные собственно грузинских источников, И. А. Джавахишвили писал: «Сообщения итальянских послов, а также грузинские грамоты свидетельствуют о том, что народ Сабедиано, в особенности Мегрелии и Абхазии, в культурном отношении был принижен. Сельское хозяйство, торговля и промышленность пали настолько, что население обеднело и деградировало...»²⁷

Католикос, упоминаемый в работе М. О. Скрипиля, распространял свою религиозную власть не только на «абхазцев», но на абхазов, под которыми подразумевалось население всей Западной Грузии. Поэтому местопребывание католикоса было перенесено в Центральную Грузию (Кутаиси). Именно отсюда, как прежде из Пицунды, простиралось «на всю Западную Грузию — Абхазию, Сванетию, Мегрелию, Имеретию, Гурию» его влияние.

Христианство в средневековой Абхазии насаждалось грузинами, в частности мегрельскими священниками, которые собственно и создали небогатую христианскую терминологию на абхазском языке. Примечательно, что наиболее популярный в грузинском церковном календаре христианизированный образ св. Георгия и даже праздник «рождества Христова» были известны исключительно в пограничной с Мегрелией зоне Абхазии и совершенно неизвестны абхазцам бассейна р. Бзыбь²⁸. Но самый сильный аргумент в пользу отождествления «обеза-обежанина» с грузином — упоминание в «Сказании» о надписи на «обезском» языке. Эта надпись могла быть сделана только на грузинском языке, который в ряде средневековых литературных источников часто называется «языком абхазским», тогда как абхазский оставался бесписьменным вплоть до рубежа XIX—XX вв.

В «обезе-обежанине» «Сказания» дан собирательный образ грузин-иверов (древнерусское авер), которые были активными союзниками Руси в ее политике на Кавказе, ставшем одним из главных форпостов Русского государства в «восточном вопросе». Сведения об «обезе-обежанине» в «Сказании», скорее, не аргумент для решения «трудного вопроса датировки этого произведения», как пишет М. О. Скрипиль, а подтверждение преемственности между поздними русскими источниками и более ранними. «Сказание о Вавилоне-граде» свидетельствует о жизненности культурно-политического союза Руси и Грузии в течение всего средневековья.

Проследив за процессами развития этнонима «обез» («обежанин») по русским средневековым источникам, можно прийти к заключению, что под данным наименованием, впервые появившимся в русских источниках в XI в., в период расцвета Грузинского феодального царства, русские могли подразумевать только грузин.

²⁶ «Барабаро и Контарини о России. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской», Л., 1971, стр. 153, 214 (первое издание: «Библиотека иностранных писателей о России», СПб., 1836); Арканджело Ламберти, Описание Колхиды, называемой теперь Мигрелией, СМОМПК, Тифлис, 1913, т. 43, стр. 24, 174—177, 181 и др.

²⁷ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. IV, Тбилиси, 1967, изд. третье, стр. 108; см. также: З. В. Анчабадзе, Указ. раб., стр. 255, 256.

²⁸ Н. С. Джанашиа, Статьи по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, стр. 23, 25, 26, 33—39, 41, 43—45, 47, 52, 59, 60; Г. Ф. Чурсин, Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, стр. 29, 30; Ц. Н. Бжаниа, Из истории хозяйства и культуры абхазов, Сухуми, 1973, стр. 261, 262. Отметим также, что само слово «церковь» по-абхазски обозначалось чисто мегрельским термином дохристианского (языческого) происхождения «аухуама» (мегр. *оxваме* — «молельня»). См. «Русско-абхазский словарь», Сухуми, 1964, стр. 614. Ср. также: Н. Я. Марр, Племенной состав населения Кавказа, Пг., 1922, стр. 55.

Рассмотрим, как трактовался этноним обезы в трудах ранних представителей русской исторической науки. Так, например, в многотомной «Российской истории» В. Н. Татищева, созданной им в первой половине XVIII в., обезы упоминаются неоднократно. Будучи неутомимым собирателем древнерусских литературных памятников, В. Н. Татищев сохранил нам старорусские традиционные свидетельства об этнониме обезы в различной его интерпретации. Он, например, писал: «Часть Мингрелии северная, которую турки и кабардинцы именуют Авхазос, наши древние именовали Обезы»²⁹. Примерно то же повторяет он и в комментариях к сочинению византийского автора Константина Багрянородного: «Ахейцы, по сказанию Страбона, в Колхиде греки населенные и, может, оное ж авхаши, у Плиния авхети. Наши может тоже именовали обезы. Турки и доднесь северную Мингрелию имянуют Авхаз»³⁰. Необходимо отметить, что в приведенных комментариях допущены ошибки: «Часть Мингрелии северную» турки именовали не Авхазос, а Абаза, под которой подразумевалась причерноморская территория к северу от г. Ингури. Кроме того, названием страны Обез в древней Руси пользовались для обозначения не только северной Мегрелии, но нередко Грузии в целом. Именно так прокомментировал В. Н. Татищев сведения из «Повести временных лет» о царской дочери «из Обез» (см. выше), называя ее: «Грузинская княжна»³¹. По существу, то же самое он повторяет и в других местах своего сочинения³². Из примечаний В. Н. Татищева видно, что он сам понимал и что было принято в его время понимать под названием древней страны Обезы. В частности, В. Н. Татищев пишет: «Обезы в четырех манускриптах точно написано, а в прочих пропущено. Карпеин называет георгиан обезы. Грузинцы Мингрелию и весь край к Черному морю против Крыма зовут Авхаз, а Птоломей город Авхис положил ...Абаза же есть владение кабардинское по реке Куме, имя татарское, значит малый народ»³³. По примеру Платона Карпини (Карпеин) В. Н. Татищев называл грузин «георгианами»: «Георгия — мы зовем Грузия»³⁴. Но к чести В. Н. Татищева надо сказать, что текст Платона Карпини он понял лучше, чем некоторые современные нам комментаторы сочинения знаменитого итальянца. Для В. Н. Татищева георгианы — это то же самое, что и обезы, как указывает источник, которым он пользовался («Обезы или Георгианы») ³⁵. В то же время А. И. Маленин в своем комментарии к сочинению Платона Карпини именуется «георгиан» «абазами, или абхазами, или обезами»³⁶, не имея никаких данных для подобной интерпретации. В. Н. Татищев развязывает сложный узел содержания этнонима «обезы», он приближает его к собственно «абазинам», название которых в свое время получило в древнерусских источниках собирательное значение.

Итак, книжный характер сведений В. Н. Татищева об обезах не должен вызывать сомнений. Свидетельства древнерусских источников не потеряли своего первоначального содержания под пером даже критически мыслящего историка первой половины XVIII в.

²⁹ В. Н. Татищев, Российская история, т. 1, М., 1962, стр. 171.

³⁰ Там же, стр. 202.

³¹ Там же, стр. 375.

³² В. Н. Татищев, Указ. раб., т. III, М., 1962, стр. 44, 47.

³³ Там же, стр. 241. Впоследствии в южнорусских говорах этноним «абаза» принял пеоративный характер (см. «Словарь русских народных говоров», вып. 1, М.—Л., 1965, стр. 188).

³⁴ В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 176.

³⁵ «Путешествие в восточные страны Платона Карпини», М., 1957, стр. 57.

³⁶ Там же, стр. 214, примеч. 127.